

Юозас Будрайтис:

«Любимое блюдо – литовский хлеб»

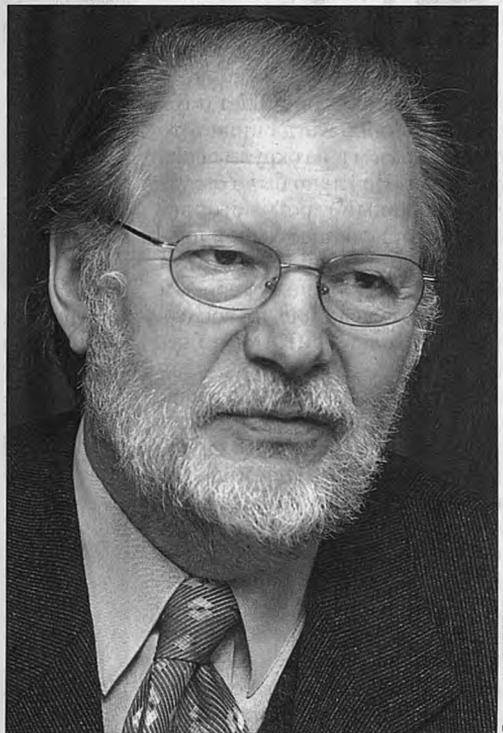
Ностальгия для меня – воспоминание о том, как я мальчиком иду по деревенской дорожке, пересохшей от солнца, и между пальцами ног бьют фонтанчики пыли. Вот это натуральное соединение с природой больше не повторится, как и ощущение свободы, – когда ты не связан ни с цивилизацией, ни с политической формацией.

Детские воспоминания не зависят от строя, если есть любящая семья и все здоровы. Мы жили в Клайпеде, и я помню, как подростком подрядился таскать коробки с пленками по кинотеатрам, чтобы иметь возможность бесплатно смотреть кино. Я тогда любил «Трактористов» и «Судьбу Марины» – первый цветной советский фильм, который я посмотрел! Очень нравилась актриса Конохова... (А в школе, после войны, у нас еще играли довоенный гимн Литвы... Потом семья вынуждена была бежать из Клайпеды, поскольку отца, простого рабочего, собирались арестовать за то, что его брат ушел на Запад.)

Не могу сказать, что сегодня у литовцев есть какой-то специальный интерес к кинематографу прошлых лет, но, когда проводился фестиваль-голосование за лучший литовский фильм, кинозалы были переполнены, и первые три места заняли фильмы советской поры («Никто не хотел умирать» – на 3-м месте).

В юности остро не хватало образования в области передовой мысли. Мы нахватались половинчато, урывками. Никто не знал от корней. Было время, когда я постоянно носил с собой книгу «Современный экзистенциализм», единственный источник, из которого я мог черпать Сартра в цитатах, на удивление совпадавшего с моими ощущениями. Каким-то чудом в Риге купил письма Ван Гога и пять лет носил их с собой. Чуть позже вышел Аполлинер «Вот я весь пред Вами...». Я не принадлежал ни к каким «закрытым» читающим кругам, все эти имена были навеяны общей интеллектуальной атмосферой.

Молодежь Литвы в 60–70 годах покупала книги на польском языке в магазине «Дружба». Даже польские авторы были относительными диссидентами, а уж переводы... Я сам впервые прочел Кафку на польском языке. В 60-х годах «Замок» обсуждала вся Литва. Внимательно следили за Солженицыным. До сих пор храню

Дмитрий ХРУЛОВ

«самиздатовского» Бердяева. Среди «продвинутой» литовской молодежи был очень популярен Мандельштам. Звучал Вознесенский, особенно после таганского спектакля «Антимиры». А я всегда обожал Зошенко, даже устраивал семейные чтения вслух.

Большинство литовских писателей советской поры сопротивлялись молча, диссидентом был только Томас Венцлова. Воспевавших советскую власть, но сумевших довольно быстро переориентироваться я не сужу, это не повод исключать людей из круга моих знакомых; для меня гораздо важнее, насколько честны они были со мной. Но большие художники, творившие в советскую эпоху, востребованы и сегодня: Марцинкявичус, Слукцис, Гяда...

Сегодня я живу все в той же квартире (правда, теперь приватизированной), на улице с тем же названием – Чюрлениса. Мои близкие, как и раньше, проводят каникулы в Паланге, Ниде, или на литовских озерах. По-прежнему мое любимое блюдо – литовский хлеб, который мне привозят в Москву

С годами все больше тоскую по родине; меня ведь в Литве никто не знает, там меня не встретишь ни на экране, ни на сцене, ни просто на улице... А внуки мои учат русский язык как второй иностранный.

Театральные новости - 2005 - апр. (№4) - с. 20